

**К проблеме литературной рецепции
в «Вариациях, на тему «Медного всадника»» В.Я. Брюсова**

Серебряный век — время плодотворного развития рецептивных процессов в русской литературе. Литературная рецепция¹ как эстетически переработанное восприятие какого-либо историко-литературного факта сыграла существенную роль в интенсификации таких явлений, как художественный синтез и стилизация в литературе конца XIX — начала XX вв.² Результатами литературной рецепции стали новые критические интерпретации и творческие перевоплощения образов и идей русской, а также западноевропейской культуры. Среди «собственно» национальных особенно выделяется влияние на литературу серебряного века личности и творчества А.С. Пушкина. Широчайший спектр эстетических реакций на этот глобальный для русской литературы образ дает возможность исследователям говорить о серебряном веке как периоде, центрирующемся на пушкинизме³.

Одним из ярчайших примеров развития в поле притяжения Пушкина является творчество В.Я. Брюсова, соединившего литературную рецепцию пушкинского наследия с опытом его научного исследования. Создание образа Пушкина в творчестве Брюсова идет по разным направлениям: Пушкин предстает перед нами в качестве героя «Вариаций, на тему «Медного всадника»»; его образ поэта-«мастера», чье вдохновение имеет божественную природу, находим в публицистике (статья «Священная жертва») и в научных работах (статьи «Пушкин — мастер», «Разносторонность Пушкина» и др.); образы пушкинской поэзии — в лирике; наконец, Брюсов предпринимает попытку закончить отрывок «Клеопатра» из произведения Пушкина «Египетские ночи», включив его в текст своей поэмы под таким же названием.

«Вариации, на тему «Медного всадника»» В. Брюсова — произведе-

ние, синтезирующее в себе рецепцию стиля поэмы Пушкина⁴ и историко-критический анализ идейного содержания «Медного всадника». В задачи Брюсова входило имитировать стиль пушкинского произведения. Об этом свидетельствуют воспоминания П.П. Лозовского, рассказывающего о трудном задании, которое однажды дал Брюсов своим ученикам: «написать стихи, близкие по духу пушкинским — по размеру и стилю «Медного всадника», но чтобы они были *не подражанием, а совершенно оригинальными*»⁵ (курсив — Л.К.). На следующем занятии по стихологии Брюсов читал свои «Вариации».

«Он» «Медного всадника» — это Петр I, «он» «Вариаций» — Пушкин:

Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь спящий
Летел, взвивая ряд картин,—
Надежд, падений и годин⁶.

В тексте, стилизованном под пушкинскую поэму⁷, Брюсов совмещает сюжет встречи Пушкина и Мицкевича у памятника Петру I⁸ (Здесь двое под одним плащом // Стоят, кропимые дождем, // Укрыты сумрачным гранитом, // Спиной к приподнятым копытам⁹) со своей интерпретацией истории создания и идейного содержания «Медного всадника».

Необходимо отметить, что для «Вариаций» важную роль сыграло исследование Брюсова о поэме «Медный всадник», предпринятое им еще в 1909 году в ходе работы над комментариями к собранию сочинений А.С. Пушкина под редакцией С.А. Венгерова. В статье «Медный всадник» Брюсов разбирает несколько вариантов трактовки конфликта поэмы: В.Г. Белинского, Д. Мережковского и профессора И. Третьяка.

Белинский видел конфликт поэмы в противопоставлении воли коллективной, которую олицетворяет Медный всадник, и воли единичной — Евгения. Мережковский выдвигает противоположную версию в духе ницшеанства: Петр воплощает личное начало, а Евгений — безличное (какое дело великому избраннику, идущему к своей цели, до страданной безликой толпы?).

Брюсов считает правильной трактовку И. Третьяка: Петр — символ самодержавия, образ Евгения олицетворяет мятеж против деспотизма. «Две части повести изображают два мятежа против самовластия: мятеж стихий и мятеж человека»¹⁰.

Такое понимание конфликта пушкинской поэмы отразилось на создании образа Медного всадника в «Вариациях». Брюсов уточняет, что памятник Петру I олицетворяет «крайнее проявление самовластия» и потому-то Пушкин охотнее всего называет его «кумиром»¹¹. Так и у Брюсова «медный великан» символизирует «слепые порывы» деспотизма, а «демон площади Петровой» живет и в современнике Пушкина — Николае I, жестоко подавившем польское восстание. У Брюсова

звучит мысль о преемственности духа самодержавной власти — от Петра I к Николаю I:

Уздой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!¹²

В ходе изучения творческой истории «Медного всадника» Брюсов приходит к выводу, что поэма является откликом Пушкина на сатиры Мицкевича, его «упреки... в измене «вольнлюбивым» идеалам юности»¹³ («Друзьям русским»). По мнению Брюсова, поэмой «Медный всадник» Пушкин как бы отвечает Мицкевичу, что «свобода возникнет в глубинах человеческого духа, и «огражденная скала» должна будет опустеть»¹⁴. Не случайно Брюсов в «Вариациях» слова Евгения вкладывает в уста самого Пушкина:

Он поднял взор. Его чело
К решетке хладной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебе!» — Так думал он!¹⁵

Символ духовной свободы Пушкина — созданный им образ Евгения, поэтому из «маленького человека» Евгений превращается в фигуру, способную преградить путь Медному всаднику:

И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета, бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный!¹⁶

«Вариации, на тему «Медного всадника» Брюсова — интереснейший пример синтеза в одном произведении рецепции реальных исторических фактов и рецепции содержания и стиля художественного произведения. В пределах нового художественного пространства Брюсов совмещает реальный исторический план (образы Пушкина и Мицкевича) с сюжетом литературного произведения (образы Медного всадника и Евгения). Такое совмещение позволяет представить проблему «Медного всадника» в новом аспекте и с современной точки зрения сделать исторические выводы.

«Вариации» Брюсова принадлежат к синтетическим произведениям, которые «включают в свою собственную сферу значений и содержания другие произведения и сами ретроспективно воздействуют на них»¹⁷. Потому не случайно так высоко оценивал А. Белый творчество Брюсова, спасаящее, по его мнению, творения прошлого от обветшания: «Тайна пушкинской цельности оказывается глубочайшим расщепом души, дробящим, как меч, всякую цельность жизни. Цельность жизни оказывается противопоставленной цельности творчества. Открывается новый ряд борений и противоречий в Пушкине, доселе неведомых нам. Пуш-

кин оказывается не только поэтом, но и священным трагическим героем, укрывшим священство свое под ризою поэзии... То, что укрыв Пушкин, выдал Брюсов... И если в Брюсове мы подчас угадываем Пушкина, то в Пушкине с равным правом мы начинаем видеть ряд брюсовских черт»¹⁸.

Заключительная часть этого высказывания при цитировании обычно обрывается исследователями на словах: «В Брюсове мы подчас угадываем Пушкина». Но смысловой центр всего рассуждения А. Белого о Пушкине и Брюсове — мысль о *взаимодействии* произведений двух поэтов.

Сегодня мы воспринимаем творчество Пушкина через призму более полутора веков развития русской литературы после его смерти. Отнести этот культурный опыт нельзя, он подсознательно живет в нас, и поэтому Пушкина мы понимаем уже иначе, нежели его современники. Проявляется эта новизна восприятия, например, в том, что в произведениях, при жизни поэта недооцененных и недопонятых, мы сегодня видим величайшую глубину и пушкинский гений: «Система, которую Пушкин создал и запустил в мир, — это динамическая структура, она накапливает смысл, она умнеет, она заставляет нас умнеть, она отвечает нам на те вопросы, которых Пушкин не мог знать. Эта система — сам поэт»¹⁹.

Объективное свойство художественных произведений нести в себе знание о действительности, которое, возможно, автор сознательно в него не закладывал, открывает пути для содержательного синтеза, который осуществляется посредством художественной рецепции. Эстетический опыт, накопленный благодаря исторической дистанции, помогает читателю увидеть в творчестве Пушкина те «зерна», которые позднее прорастут в русской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В определении понятия «рецепции» как восприятия литературного произведения читателем и слушателем мы ориентируемся на основные положения рецептивной эстетики (изложенные в трудах Х.Р. Яусса, В. Изера и др. См.: Общество. Литература. Чтение: Восприятие литературы в теоретическом аспекте. М., 1978). Но интересовать нас будет лишь *литературная* рецепция, являющаяся одним из катализаторов художественного творчества.

²Подробнее о художественном синтезе как неотъемлемой характеристике литературного процесса данного периода см.: Минералова И.Г. Русская литература серебряного века (поэтика символизма). М., 1999.

³Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 141.

⁴Идея «Вариаций» была подсказана Брюсову опытом Б. Пастернака (его «Темой с вариациями», в частности, вариацией «Подражательная», где автор использует внешние признаки стиля «Медного всадника»); в примечании к «Вариациям» Брюсов посвящает свои стихи Пастернаку.

⁵Цит. по: Брюсов В.Я. Собрание сочинений. В 7 т. М., 1974. Т. 3. С. 587.

⁶Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 3. С. 188.

- ⁷ Брюсов использует четырехстопный ямб, характерные для Пушкина рифмы и несколько реминисценций.
- ⁸ Сюжет этот взят из стихотворения А. Мицкевича «Памятник Петра Велико-го».
- ⁹ Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 3. С. 188.
- ¹⁰ Там же. Т. 7. С. 43.
- ¹¹ Там же. Т. 7. С. 35, 38.
- ¹² Там же. Т. 3. С. 189.
- ¹³ Там же. Т. 7. С. 49.
- ¹⁴ Там же. Т. 7. С. 49.
- ¹⁵ Там же. Т. 3. С. 189.
- ¹⁶ Там же. Т. 3. С. 189.
- ¹⁷ Шабоук С. Искусство — система — отражение. М., 1976. С. 141 — 142.
- ¹⁸ Белый А. Брюсов // Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 392.
- ¹⁹ Лотман Ю.М. «Пушкин притягивает нас, как сама жизнь...» // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 439.